

расходовать в интересах всех получаемую прибыль. Кроме того, в этой системе коллективизма устанавливается очень тонкое различие между трудом чернорабочего и трудом человека, прошедшего через предварительное обучение: труд первого представляет собою, с точки зрения коллективиста, труд простой, тогда как ремесленник, инженер, ученый и т. п. занимаются трудом, который коллективисты называют трудом сложным, и поэтому имеют право на более высокую заработную плату. Но все они - чернорабочие и инженеры, ткачи и ученые - наемники государства, «все они чиновники», как сказал недавно один из коллективистов, чтобы позолотить пилюлю.

Самая большая услуга, которую будущая революция сможет оказать человечеству, будет заключаться именно в том, чтобы создать такое положение вещей, где всякая форма наемного труда станет невозможной и неосуществимой и где единственным подходящим решением вопроса явится коммунизм, т. е. именно отсутствие наемного труда.

В самом деле, если мы даже допустим, что в спокойный период изменение в коллективистском направлении возможно (в чем мы, впрочем, даже при этих условиях сильно сомневаемся), то в период революционный оно сделается невозможным, потому что после первой же схватки возникнет тотчас же необходимость прокормить миллионы человеческих существ. Революция политическая может произойти, не внося нарушений в ход промышленности; но революция, при которой народ завладевает собственностью, неизбежно вызывает тотчас же приостановку в обмене, в производстве, и никаких миллионов государства не хватит для обеспечения заработной платы миллионам оставшихся без работы рабочих.

Повторяем: преобразование промышленности на новых началах (а как обширна эта задача - мы увидим ниже) не может произойти в несколько дней, а пролетариат не сможет предложить целые годы голодовки к услугам теоретиков наемного труда. Чтобы пережить эпоху кризиса, он потребует того, чего требовал всегда в подобных случаях: обращения всех предметов потребления в общую собственность, распределения их между всеми.

Сколько бы ни проповедовали народу терпение, он терпеть не станет; и если все, что нужно для жизни - и хлеб прежде всего, - не будет обращено в общую собственность, он начнет грабить булочные. И тогда, если народ будет не в силе, его начнут расстреливать.

Для того, чтобы коллективизм мог сделать попытку практического осуществления, ему нужен прежде всего порядок, дисциплина, повиновение. А так как капиталисты быстро заметят, что заставить стрелять в народ людей, называющих себя революционерами, есть самое лучшее средство возбудить в народе вражду к революции, то они несомненно будут поддерживать защитников «порядка»; даже если они - коллективисты. Они увидят в этом средство уничтожить впоследствии и самих коллективистов.

А раз «порядок восстановлен», дальнейшие последствия предвидеть нетрудно. Расстреливать будут не одних только «воров»: придется доискиваться и до «виновников беспорядков», восстановить суд и гильотину, и самые горячие революционеры погибнут на эшафоте. Совершится повторение 1794 года.

Вспомним, каким образом восторжествовала реакция в прошлом веке. Прежде всего гильотинировали эбертистов, самых ярых - тех, кого Минье, еще под свежим впечатлением борьбы, называл «анархистами». За ними скоро последовали сторонники Дантона, а когда робеспьеровцы гильотинировали всех этих революционеров, то